

Паламаренко
А. Н.

29/III-87

Встречи и знакомства — 29 МАР 1987

Рабочая газета
г. Киев

Народный артист Украинской ССР А. Н. ПАЛАМАРЕНКО:

СМЕЙТЕСЬ, ДРУЗЬЯ, НА ЗДОРОВЬЕ!

— Говорят, стоит младенцу показать палец, как он тут же начинает смеяться. Не помните ли вы, когда это с вами произошло в первый раз?

— Думаю, еще до того, как я родился. Моя бабушка была очень веселым человеком. Рассказывают, что во всем селе не было более смешливой певуны. Учитывая такую генеалогию, я постарался проявить себя уже в первые минуты появления на свет. Мои родители утверждали, что я родился не с плачем, а издавал звуки, похожие на смех. Возможно, это был смех сквозь слезы.

— На первый вопрос вы ответили более или менее полно. Теперь хотелось бы спросить: когда у вас появилось желание не только смеяться самому, но и смешить других?

— Помнится, однажды мы с классной самодеятельностью поехали с концертом в соседний колхоз. Пели, танцевали, ну а я — смешил. Я знал наизусть отрывки из произведений Гоголя, Остапа Вишни. Председателю колхоза мое выступление очень понравилось, и он предложил нашей учительнице: «Оставьте нам на время этого мальчика, а мы вам за то дадим корову». Учительница подумала и отказалась.

Юмор, скажу вам, вещь прекрасная. Во всяком случае, мне он очень помог. До десятого класса, например, я был небольшого роста и довольно-таки полноватым. Но чем больше я окунался в мир смеха, тем стройнее и выше становился.

— По-вашему, выходит, что чувство юмора — это своего рода лекарство...

— Безусловно. Веселый человек никогда не может быть злобным, а раздраженного и сердитого смех делает добрее и даже красивее. Больше того — у человека веселого недругов нет.

— Поэтому вы и выбрали свою профессию?

— Нет, не потому, что опасался недругов, а потому, что боялся грусти. В послевоенные годы в сердцах людей еще было много горя от понесенных утрат, не всегда удавалось еще сытно поесть и сладко поспать. Мне захотелось поднять людям настроение, согреть их души. В театральном институте, правда, меня учили драматическому искусству, но кто сказал, что чтение с эстрады — легкий жанр?

Впервые я понял, что юмор может быть и серьезным, что он может не только смешить, но и заставить задуматься, когда ближе познакомился с творчеством Чехова.

В мой репертуар наряду с произведениями Шевченко, Нечуя-Левицкого, Гоголя, Довженко, Чингиза Айтматова входят миниатюры и рассказы Павла Глазового, Ивана Манжары, Костя Дьяченко, других современных авторов.

— А как относятся ваши слушатели к такому смешению стилей и жанров? Ведь большинство привыкло к тому, что на ваших выступлениях можно вдоволь посмеяться.

— Публика знает, что ничего скучного, ничего неинтересного ей не предложу. Ведь когда я

читаю Гоголя или Довженко, я вхожу в какой-то конкретный образ, и уже само это интересно.

— Вы говорите — входите в образ. Мне рассказывали, что вы обладаете способностью схватить самое характерное в знакомом артисте или просто знакомом, точно повторить его манеру, мимику, разговор. Не пробовали ли вы себя в пародии? Это теперь довольно модный жанр...

— К пародии у меня вполне определенное отношение. Если есть оригинал, стоит ли создавать копию, которая всегда оказывается хуже? Другое дело — повеселить друзей в узком кругу...

— Должно быть, с вами всегда весело и интересно...

— Я бы этого не сказал. По натуре я человек серьезный и немного лирик. А это всегда соседствует с некоторой наивностью. Представляет, как это тяжело? Любая несправедливость возмущает, хочется немедленно все переделать, а оно не переделывается так сразу.

— Что же в таком случае поднимает ваше настроение?

— Общение с людьми, с моими слушателями. После окончания Киевского театрального института я какое-то время работал в труппе Хмельницкого областного театра. В театре контакт со зрителем идет через партнера, через диалог. В моем нынешнем амплуа контакт с залом самый прямой. Мне это интересно, но и нелегко. Один в течение двух часов на сцене, один держишь на себе аудиторию. Без грима, без костюма, без декораций. Какая нагрузка на психику, на голос! Ты уже все сказал, а тебя не отпускают.

— Другими словами, ваш жанр или, вернее, форма — это театр одного актера.

— Пожалуй, так. Но так как

не бывает оркестра из одного инструмента, мне приходится создавать у слушателя впечатление целого ансамбля. Это достигается углублением в образ, привлечением зала к поискам истины посредством юмора. Реакция публики всегда указывает, на каком пути этот поиск.

— В нашей жизни много перемен и лучшему. Еще неуютней стало героям фельетонов и юморесон, сатирических произведений. Может показаться, что творчество юмористов — как писателей, так и исполнителей — становится своего рода ретропективой. Так ли это на самом деле?

— Думаю, что сегодня перед нами широкое поле деятельности. Слишком долго запутывали истину ложью и подделкой под правду, чтобы можно было одним махом с этими явлениями разделиться. Мы ведем борьбу с бюрократизмом и казнокрадством, бездушием и ленью. Но разве не задача нашего цеха — воспитывать в людях лучшие качества ума и души!

— Анатолий Несторович, вы чувствуете, очень симпатизируете Павлу Глазовому. Нет концерта, чтобы вы не читали его вещи.

— Мои симпатии распределяются между многими писателями, но, конечно, Глазовой стоит на одном из первых мест. Он хорошо умеет подмечать смешное в жизни, особенно в семейной, в быту, дать точную картинку и хлесткую оценку. К тому же мои симпатии совпадают с симпатиями публики; он нравится ей.

— Как же ваше мастерство действует на ваших близких, которые, хотя они того или нет, оказываются под вашим влиянием?

— Старший сын Олесь — я его назвал так в память о погибшем на войне брате — настолько поддался влиянию, что, проучившись положенное время в театральном институте, работает в Киевском драматическом театре имени И. Франко. Младший сын Авксентий, которому 12 лет, слышет в школе чтецом и даже занял там первое место. Самой стойкой оказалась жена, которая все годы играет одну и ту же роль экономиста и хранительницы очага.

— Человек, который работает на заводе или в колхозе, идет отдыхать в театр или филармонию. А куда идет отдыхать человек из театра или филармонии?

— Если вы имеете в виду меня, так я больше всего люблю общение с природой. Это живет во мне с детства. Как правило, летом отправляюсь к теще под Обухов. Копаясь в земле, смотря на небо, слушаю пение птиц. Если сельчане попросят, почитаю им что-нибудь такое, что они говорят: давай еще!

— Кстати, где вы будете 1 апреля?

— В Колонном зале Киевской филармонии. Мой концерт называется: «Смейтесь, друзья, на здоровье!». С этим пожеланием я обращаюсь и к читателям «Рабочей газеты».

Вел беседу и смешил гостя
М. РЕТНИВ.